

ЦЕННОСТНО-МОТИВАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ
БЛАГОТВОРЕНИЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Е.П. Белоножко¹⁾, А.М. Капустина²⁾

¹⁾Белгородский государственный университет, 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78,
e-mail: belonozko@bsu.edu.ru

²⁾Белгородский государственный университет, 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78

В данной статье осуществлена попытка выявить и проанализировать ценностно-мотивационные основы благотворения в Древней Руси. Проблема мотивации благотворения в целом, и мотивации благотворения в Древней Руси, в частности, является весьма актуальной и мало исследованной. Исследование представляет собой философский анализ древнерусских памятников литературы, исторических исследований. Отмечено, что мотивация благотворительности в Древней Руси тесно связана со спецификой русского отношения к богатству и феномену нищенства. Выделены основные мотивы благотворительности в Древней Руси: прагматический, мотив духовно-нравственного совершенствования, христианские мотивы: сотериологически-эсхатологический, любовь к Богу и ближнему, мотив «сакрального пиетета», социально-политический.

Ключевые слова: мотив, милосердие, ценностно-мотивационные основы, сотериологический мотив, эсхатологический мотив, благотворение.

Введение

История Древней Руси во многом совпадает с историей принятия и утверждения христианства и христианской системы ценностей в русском обществе. В связи с этим, многие дореволюционные авторы начало развития благотворительности связывали исключительно с введением христианства на Руси, так как в христианстве к тому времени уже были сформулированы основные императивы «теории милосердия». Однако ряд современных исследователей отмечает, что ещё до принятия христианства на Руси существовали богатые традиции взаимопомощи у славян, обусловленные специфическими культурно-историческими условиями и доминирующими ценностями древних славян [10,5-6; 22; 28].

В традиционной славянской культуре были выработаны основные идеалы, нормы и правила жизни людей, которые, несмотря на многочисленные трансформации с течением времени перешли в мировосприятие русского народа. О.С. Осипова отмечает: «Ценностная сторона в мироотношении народа непосредственно связана с общественным, коллективным сознанием или представлениями» [11]. Э. Дюркгейм предложил понимание коллективного сознания как обладающую собственным бытием совокупность верований и чувств, общих для членов данного общества. Он подчёркивал, что системы ценностей имеют коллективное происхождение. В свою очередь, коллективное мышление преобразует мир под воздействием созданных им идеалов; под идеалами мыслитель понимал основные социальные явления: религию, мораль, право, экономику, эстетику, которые есть «не что иное, как системы ценностей, следовательно, идеалы» [5, 302-303]. О.С. Осипова называет эти идеалы ценностными коллективными идеями, утверждая, что важнейшие славянские коллективные идеи связаны с понятиями единства Мироздания, всепроникающей божественности взаимообусловленности и относительности всех явлений, которые преломляются во множестве частных идей: одухотворение природы, предание о происхождении людей как сынов и дочерей богов, *приоритет коллективного начала над личностным*, патриотизм, *верность долгу, чести и справедливости* [11, 200-211]. Исследователь

отмечает приоритет этических ценностей у славян, жизнь которых подчинялась достаточно строгим императивам, задававшим нормы морали и нацеленным на достижение социальной гармонии.

Историки находят корни сострадательного отношения к ближнему, столь распространенного на Руси, еще в обычаях древних восточных славян. Так, С.М. Соловьев отмечал, что в отличие от воинственных германцев и литовцев, избавлявшихся от «лишних, слабых и увечных» сородичей и истреблявших пленных, наши далекие предки были милостивы к старым и малым соплеменникам, а также к пленным, которые по прошествии известного срока могли вернуться в родные места или «остаться жить между славянами в качестве людей вольных или друзей» [24, 97]. Восточные славяне привечали и любили странников, отличались редким гостеприимством. Человеколюбие, незлобивость, открытость души у наших предков формировались под влиянием основных видов их деятельности - хлебопашества, скотоводства, ремесленничества, а также затянувшегося дольше, чем у других народов, родового общественного устройства. Этому способствовала и сама среда обитания, те географические и природно-климатические условия, в которых они находились в результате естественноисторических процессов передвижения и расселения народов.

Современный исследователь социальной работы М.В. Фирсов отмечает: «...философия жизни языческой общности вызывала к жизни определённые формы поддержки и защиты. Реципрокные и редистрибутивные социальные связи, направленные на сохранение единого пространства жизнедеятельности, важного для всех его членов, создали особый нерв социогенома, и его архитипические формы существования, сложившиеся за многие столетия, стали основой для христианской модели помощи и поддержки нуждающимся» [29, 24-25].

Христианская система ценностей растворила в себе славянские «ценностные коллективные идеи», что повлекло за собой её неизбежную трансформацию и, как следствие, своеобразное преломление христианского идеала мотивации благотворительности.

Как отмечает Т.Е. Покотилова: «...древнерусская благотворительность стала результатом рефлексии древнерусского общества в процессе создания и развития своей культурной среды на этапе усвоения русским обществом адекватной усложнявшимся общественным отношениям религиозной идеологии – православия» [22, 26].

Как известно, значительную часть православной этики занимает учение о любви к ближнему и милосердии, призывавшее выполнять дела милосердия в качестве главного средства спасения души. В силу закономерной монополии и функциональной обязанности православной церкви проповедовать христианское учение о любви к ближним, древнерусское общество пользовалось руководством церковной иерархии в выполнении дел милосердия. Данное руководство осуществлялось по трём направлениям: воспитание нравственных побуждений к благотворению через проповедь учения о любви и милосердии; воспитание паствы примерами собственного милосердия в среде иерархов; практическая работа по организации призрения через собственные структуры за счёт церкви, государства, общин, братств и милостыни.

С утверждением христианской системы ценностей добродетельным начинает считаться тот, кто следует нормам, закреплённым в христианской традиции: «Се суть душевные дела добрая: кротость, смирение, послушание, доброучение, покорение, легкосердье, безгневье, милость, любовь, немногословие, покаяние и прочая: поклон, пост, милостыня...» [17, 23-24]. Целью жизни при этом считается обожение, которое интерпретируется как онтологическое явление, поскольку понимается как бытийственное изменение всего человеческого естества, «возвращение» человека в первоначальное состояние единения с Богом, который сотворил его добрым.

Анализ церковной литературы назидательного характера и летописей позволяет восстановить картину мотивации благотворения – в древнерусских источниках получила отражение своеобразно воспринятая система христианских ценностей. «Поучение к братии» архиепископа Новгородского Луки Жидяты содержит этико-социальные призывы: «Будете смиреннии кротци.... Не завиди, не клеветчи... Не суди брата ни мыслию... З братом не буди ино на сердци, а ино в устех.... Под братом ямы не рой.... Не молвити срамна слова, ни гнева на всяк день имети... Мзды не емлите.... Не до пианства.... Не ядите скверна» [23, 88]. Характерно, что рекомендации носят характер отрицания, доминирующая установка – «не навреди» (это ветхозаветный принцип, в Новом Завете – «возлюби»), то есть автор сочинения ориентирован на ветхозаветные регламентации, что, в целом, является показателем восприятия христианства древнерусским обществом вообще. Речь идёт о процессе специфического синтеза язычества и христианства в русской культуре.

Правила осуществления благотворения требовали подавать «вовремя необходимое» [18, 545] и быть милостивым ко всем. Киево-Печерский Патерик заповедует: «Милостив будь, христоробец, не только со своими домочадцами, но и чужими... Если будет иной веры, еретик и латинянин, любому помощи и от бед избавь» [16, 617], подчёркивая тем самым неограниченный круг адресатов милосердия. Древнерусскими авторами отмечалась особая сила милостыни, её место среди других добродетелей. Владимир Мономах в «Поучении» говорит, что сам «Господь показал нам победу над врагами, как тремя делами добрыми избавляться от них и побеждать: покаянием, слезами и милостынею» [23, 62]. В Прологе милостыня ставится выше других добрых дел. Пролог как бы собирает и представляет в милостыне, словно в одном целом, идеальные черты христианина, его богоугодной жизни.

В статье «О звании сильных» Изборника 1076 года автор призывает творить милостыню, так как это воля Божья, и вознаграждением будет Царство Небесное, он формулирует древнерусский вариант библейского «Блаженны милостивые...», тем самым, акцентируя внимание на «спасительном», сотериологическом аспекте милосердия.

Особое значение в плане осмысления древнерусским духовенством проблемы мотивации благотворения имеют труды Феодосия Печерского (1036-1074). Он сам выступал активным общественным деятелем: его житие сообщает, что он помогал бедным, защищал вдов и сирот. Ему принадлежат поучения: «О казнях Божиих», «О тропарных чашах», «О терпении и любви», «О терпении и милостыне», «О терпении и смирении», «О хождении к Церкви и о молитве». Ф. Печерский, как и ряд других авторов своего времени, обращает внимание на библейскую притчу о десяти мудрых девах и пяти неразумных, в которой для последних закрылись двери Божьего человеколюбия, поскольку они масла милостыни не принесли. Тем самым он подчёркивает значение милостыни в духовной жизни человека. «Милование» - сострадание, сочувствие, милосердие он считает одной из важнейших христианских добродетелей, за которую следует воздаяние Бога (наследование Царства Небесного). Таким образом, мыслитель отмечает сотериологический мотив милостыни.

Для большей действенности наставлений о милостыне и конкретном воплощении ее в жизнь приводилось множество примеров. Так, в житиях святых необходимым признаком, доказывающим благочестие святого, жизнь которого описывается, было, творение им дел милосердия. О преп. Феодосии рассказывается, что, когда ему дали хорошие одежды, он недолго носил их, «будто какую-то тяжесть», а вскоре снял их «и отдал нищим», сам же «оделся в лохмотья, так их и носил» [6, 99], он же подавал пример помогать нуждающимся непосредственно делами.

Дидактизм древнерусской литературы повлёк за собой обращение к примерам (выполнявшим воспитательную функцию), подчёркивающим как сотериологический аспект мотивации помощи ближнему, так и его прагматический мотив

(предполагается, что Господь воздаёт милующему уже здесь, на земле). В Киево-Печерском Патерике повествуется, что подвижнику обители Иоанну за его милость к нищим Господь чудесным образом удвоил богатство, которое сын его Захария отдал на нужды обители. «На серебро же и золото это поставлена была церковь во имя святого Иоанна Предтечи, в память Иоанна я сына его Захарии, так как на их золото и серебро была она построена». В Синайском же Патерике рассказывается, что Господь также в несколько раз умножил серебреники язычнику, отдавшему по совету жены-христианки небольшую сумму займы христианскому Богу - для нуждающихся [16,129]. Здесь очевидна параллель с ветхозаветной мотивацией благотворения, где акцент ставился именно на прагматической мотивации, о чём речь шла в предыдущем параграфе.

Максим Грек (1470-1556) рассматривает «милосердие» как индивидуальный путь спасения в канонах Иоанну Крестителю, подчёркивая его сотериологический аспект.

М. Грек выступает с критикой монашества за то, что, не имея сострадания, они угнетают крестьян, призывает возлюбить убогих и нищих, вдов и сирот, обличает богачей, не помогающих бедным. Он критиковал показную помощь как несоответствующую христианскому идеалу. М. Грек обращал внимание в своих проповедях на людей свободных от стремления к обогащению, исполняющих евангельские заповеди, «посредством которых скоро и удобно достигается ими самая главная добродетель – любовь к Богу и ближнему своему» [18, 477]. Особенную требовательность он проявлял к монахам: «вместо постов великих и бдений лучше бы человеколюбие показа к нищим» [2,124]. Данным требованием Максим Грек вступает в некоторое противоречие с православной традицией, однако, оно характеризует ценностные ориентиры Древней Руси. Здесь, показательно то, что милостыне он отдаёт предпочтение перед молитвой и постом. Вероятно, мыслитель этим выражением не пытался принизить значение этих действий, он скорее выступал только против показного благочестия, за которым скрывались грубые нравы, бесчеловечность. Мыслитель сетовал, что смысл подлинного милосердия чужд ревнителям показного благочестия.

Более поздний памятник «Домострой» (XVI век) предлагая подробное описание дел милостей материальных и духовных: «...и недруга накорми..., поспеши с открытым сердцем и чистой совестью к больному, к страждущему, взглядишь в его беду, скорбь, нужду... прощай искренне кающегося и исправляющегося, никого не оскорбляй...» [19, 75] также акцентирует внимание на необходимость их положительной мотивации.

Т.Е. Покотилова отмечает, что учение о братолюбии и милосердии трактуется русскими проповедниками специфично: милостыне наряду с самим фактом крещения придаётся такая «спасающая» сила, что покаяние, пост, лишение, все другие религиозные таинства уходят на задний план [22, 26].

В условиях двоеверного синкретизма, ставшего следствием тесного соприкосновения нового мировоззрения с дохристианской культурой, происходят определённые изменения, как в содержательной части христианского вероучения, так и связанных с ним представлениях, в том числе взглядах на мотивацию благотворения. Здесь речь идёт о том, что христианские идеалы получают «более земную» интерпретацию, что проявляется в редукции всего спектра идеальной (должной) христианской мотивации благотворения к мотиву искупления с помощью милостыни. Это проявляется в том, что древнерусские авторы гораздо чаще пишут о спасительной силе именно милостыни, а не любви к ближнему и подлинного милосердия. Так, пытаясь осмыслить проблему милосердия, древнерусские авторы используют следующие понятия: «милосердие», «милость», «милование», «милостыня». Наблюдения М.В. Фирсова за семантическим изменением этих понятий позволяют также сделать вывод о том, что в XI - XII вв. названные понятия не были дифференцированы и являлись тождественными [29, 46].

Относительно быстрое укоренение в мировоззрении православного населения мысли о том, что щедрая и регулярная милостыня – решающий и достаточный, наряду с крещением, фактор, обеспечивающий «спасение», Т.Е. Покотилова связывает с овеществленностью, относительной простотой в осуществлении и быстротой исполнения данного «очищающего» акта, понятного и притягательного для бывших язычников, а также его близостью не ушедшим еще совсем в прошлое традициям братства и равенства, свойственным родоплеменным отношениям [22, 26].

Доказательством тому – частые и щедрые благотворительные раздачи денег великими князьями, начиная с Владимира I, носившие, как показывают источники, не показной, а обрядовый характер. Примеры князей вызывали адекватные действия в древнерусском обществе: в летописях и житиях святых дела милосердия предписываются всем лицам, выделявшимся из среды своих современников особыми нравственными качествами. Однако укоренение нищелюбия не означало смягчения нравов древнерусского общества. Так, митрополит Макарий (Булгаков) (1816-1882) описывая историю русской церкви большое внимание уделяет состоянию веры и нравственности русского общества в рассматриваемые периоды. Он также отмечает милосердие и щедроты князя Владимира, его детей – Бориса, Глеба, Ярослава и других князей. Однако, говоря, что милосердие к бедным и страждущим было одной из господствующих добродетелей того времени, автор сетует на то, что «несравненно больше мы видим тогда примеров немилосердия и несострадательности к ближним, даже жестокости и бесчеловечия» [8, 310], которые составляли главный нравственный недостаток своего времени. Скорее всего, автор в данном случае имел в виду тот факт, что церковь и государство пытались приобщить верующих к делам милосердия, декларировали милосердие как высший нравственный принцип, однако чаяния церкви не всегда совпадали с реалиями жизни древнерусского общества.

Именно спецификой мотивации благотворения Т.Е. Покотилова объясняет отсутствие стройной системы благотворительности в период с X по XVII века на Руси. Основными причинами этому были, во-первых, позиция церкви в понимании истинно христианской благотворительности: правильной и плодотворной, по мнению теологов и иерархов, она могла быть при свободном совершении её по побуждениям религиозно-нравственным, по истинно христианской любви к ближним, которая сопровождается осознанием их существенных потребностей, материальных и духовных. Во-вторых, и это ляжет в основу специфики традиций российской благотворительности, - укоренение в общественном сознании понимания милостыни как самого серьёзного, наряду с крещением, «спасающего» акта в жизни православного [22, 27]. Позиция церкви, которая обосновала принцип оказания помощи по духовно-нравственным побуждениям, но без выяснения обстоятельств и причин нужды, приводила к развитию профессионального нищенства. Создание системы благотворительности не могло входить в планы русской православной церкви, так как для церкви важнее было воспитать любовь к Богу и ближнему, милосердие. В основе её огромной собственности лежал со времён церковного Устава Владимира I краеугольный тезис: «Церкви богатство - нищих богатство». Нищенство, возникшее в условиях социально-экономического неравенства и множившееся в Древней Руси, благодаря многочисленным социальным и военным катаклизмам, получает с приходом православия статус святости, зачастую превращаясь из причины и основного объекта древнерусской благотворительности в её следствие. Выступавшая с проповедью получения вечной жизни за счёт раздачи своего имущества в пользу бедных и в свою пользу, русская православная церковь в сочетании с возвращенными ею обычаями государей, бояр и богатых людей устраивать по случаю разных семейных событий общие трапезы и раздачу денег для нищих и убогих, способствует, таким образом, преимущественному развитию благотворительной помощи в её самой примитивной форме, - подаче копеечной или «ручной» милостыни, несущей в себе элементы

случайности и неразборчивости. Всё это, в сочетании с неразвитостью экономики, частыми войнами, повторявшимся голодом влекло за собой появление и количественный рост притворного или профессионального нищенства.

Проблемы отношения к нищенству, их индულгентного принятия в общественное пространство как особой социальной группы, своеобразной культуры нищелюбия тесно связаны с мотивацией благотворения в Древней Руси.

Трансформация христианского императива «Возлюби ближнего...» в древнерусское нищелюбие обусловила не только комплекс социальных проблем, связанных с феноменом профессионального нищенства, но и повлияла на мотивацию благотворения. Позиция В.О. Ключевского относительно мотивации благотворения неоднозначна. Историк отмечал, что любовь к ближнему в Древней Руси полагали, прежде всего, в подвиге сострадания к страждущему, её первым требованием признавали личную милостыню: «Человеколюбие на деле значило нищелюбие». Причем благотворительность была не столько средством общественного благоустройства, сколько необходимым условием личного нравственного здоровья: в ней больше нуждался нищелюбец, чем нищий: «Целительная сила милостыни полагалась не столько в том, чтобы утереть слёзы страждущему, уделяя ему часть своего имущества, сколько в том, чтобы, несмотря на его слёзы и страдания, самому пострадать с ним, пережить то чувство, которое называется человеколюбием» [30,76] Древнерусский благотворитель, «христоролюбец», менее помышлял о том, чтобы добрым делом поднять уровень общественного благосостояния, чем о том, чтобы возвысить уровень собственного духовного совершенствования». Здесь историк отмечает доминирующий мотив древнерусской мотивации благотворения – мотив духовно-нравственного совершенствования, фактически отрицая мотив гражданской ответственности, прагматические мотивы. Вместе с тем, В.О. Ключевский акцентирует внимание и на сотериологической мотивации - нищий для благотворителя был лучший богомолец, в подтверждение своих слов автор приводит поговорку: «Нищий богатым питается, а богатый нищего молитвою спасается». Таким образом, он понимает благотворение как «спасающий акт» в жизни православного христианина.

Обратимся к попыткам осмысления феномена нищенства древнерусскими мыслителями. Можно обозначить две точки зрения на эту проблему. Так, М. Грек рассматривал нищенство как институт социального воспитания, необходимый для гармонизации отношений всех слоёв общества. М.В. Фирсов обращает внимание на то, что в качестве примера древнерусский мыслитель приводит западное нищенство. Приводя примеры о добровольном нищенстве как монашеском подвиге, он раскрывает «технологию», «способ подаяния». Сбор милостыни осуществляется по определенной системе: «...обходят дома, находящиеся на одной улице, и просят Господа ради хлеба на братию» [29, 77]. Но главной особенностью западного нищенства является то, что к нему добровольно приобщаются богатые и благородные люди — стержень христианских традиций и института нищенства. «Это бывшие прежде благородные и богатейшие люди, которые, подражая господней нищете, добровольно делаются нищими и не стыдятся послужить нуждам своей обители, без ропота и раздумий» [29, 77]. М. Грек мечтал о своеобразной культуре нищенства как культуре равенства и справедливости, воспитывающей у всех членов общества благородные чувства, то есть он идеализировал нищенство.

Другой взгляд на нищенство, попытка оценить его со светских позиций принадлежит Епифанию Славинецкому. Сочинение «Слово о милости и кии просящих достойни суть милости, кии же ни» Епифания Славинецкого — одно из первых светских представлений о сущности милосердия. В основу милосердия им положен принцип богоуподобления и любви к ближнему. Автор широко понимал общественное призрение, выделяя в нем три уровня поддержки: помощь духовную, помощь инсти-

туциональную, «нищепиталище долгое», и помощь традиционную, «нищепиталище общее».

Впервые Елифаний Славинецкий рассматривал «людей церкви», нищих не только как заступников перед всевышним, но и как тунеядцев, обманом промысляющих и спекулирующих на добрых чувствах христиан. Для того чтобы профессиональное нищенство не распространялось, автор предлагал молодым и здоровым предоставлять работу и «иные рукоделия». Он разработал теорию борьбы с нищенством и помощи нуждающимся. В проекте учитывался тот факт, что не все могут обращаться за помощью, поэтому необходимо направление ее нуждающимся. Большое место уделяется превентивным мероприятиям против нищенства.

Такая эволюция взглядов от идеализации нищелюбия к попыткам его критического осмысления неслучайна. Несмотря на то, что нищелюбие было призвано воспитать «навык и умение любить человека» на практике оно становилось основой как социальных, так и духовно-нравственных проблем. По нашему мнению, именно тезис «Человеколюбие на деле значило нищелюбие» объясняет такие парадоксы нравственной жизни русского общества, когда дворянин, помещик мог творить милостыню, активно помогать церкви, при этом считая нормой жестокое отношение к ближним (крестьянам). В капиталистический период этот поведенческий стереотип получил отражение в деятельности предпринимателей, которые с одной стороны активно жертвовали нуждающимся, а с другой - жестоко эксплуатировали рабочих, в том числе, женский и детский труд. Интересно то, что в основу благотворения автором положен принцип любви к Богу и ближнему, но, вместе с тем, он впервые предлагает дифференцированный подход к нуждающимся вопреки церковному принципу подачи милостыни.

Вместе с тем, с усвоением христианских ценностей феномен тайной милостыни получал значительное распространение в Древней Руси и в дальнейшее время, что доказывает доминирование религиозных мотивов помощи ближнему над прагматическими, своекорыстными. Л.А. Тульцева понимает под тайной (тихой) милостыней «русский православный обычай тайной раздачи милостыни сиротам, вдовам и другим страждущим» [27, 90]. Автор поясняет - на окне избранного дарителем дома он незаметно оставлял свечи, холст, продукты, деньги. Никто никогда не знал имени милостынника, т.е. того, кто творил или раздавал милостыню. В этом заключалась суть обычая, который на практике был своего рода ступенью к индивидуальному нравственному подвижничеству.

Е.Л. Дубко даёт следующие характеристики тайным благодеяниям, в нашем случае - речь о тайной (слепой) милостыне: «...раритет, казус, парадокс, перверсия морального сознания, мистериозный продукт процесса десекуляризации морали, таинственный акт..., тип взаимопомощи среди простых людей, элемент культуры бедности, прививка против тщеславия..., небольшая ниша для деятельной добродетели в ожесточившемся мире, коллективистское начало...» [4, 73]. Автор отмечает, что тайные благодеяния базируются всегда на религиозных чувствах.

Одним из факторов мотивации древнерусской благотворительности является специфическое отношение в русской культуре к нищенству, связанное также с благоговейным отношением к увечным, больным людям, страдающим от тяжелых недугов, имеющим ограниченные возможности для жизни и деятельности в неприспособленном для них окружении. В традиционной языческой, а позднее и в православной культуре им было уготовано особое место. Л.А. Темникова отмечает: «Так же, как отличались их внешний вид и поведение от остального сообщества, так же, и их положение в социокультурном хронотопе было не обычным, не профанным, земным и мирским, но сакральным, окрашенным в священный цвет печатью Бога» [26, 15-16]. В связи с тем, что люди, болезненно отличающиеся своим видом и поведением, вызывали и у окружающих священный (сакральный) трепет, благочестие (пиетет),

готовность броситься им под ноги, поделиться с ними своим последним добром, Л.А. Темникова называет это побуждение мотивом сакрального пиетета [26, 15-16].

Специфическое отношение к богатству на Руси, сформировавшееся под влиянием православных ценностей, на наш взгляд, также выступает как фактор мотивации благотворительности, так как богатство возлагало особую ответственность за судьбу ближнего. Н.Я. Данилевский одним из определяющих духовных параметров русской цивилизации называет нестяжательство, преобладание моральных приоритетов над материальным [3, 58], вероятно, поэтому рассуждения о милосердии, милостыни - в контексте осуждения сребролюбия, богатства. «Милость», «милосердие» - обязанность всех людей, в особенности - людей состоятельных. Ведь с одной стороны христианство утверждает добровольную нищету (Мф. 19; 16-21). Но с другой стороны уже ранние Отцы Церкви, и, в частности, Климент Александрийский, начинают истолковывать эту проблему в духовном плане, как проблему прежде всего внутренней жизни, привязанности человека к миру. Так, в слове о святых преподобных отцах Феодоре и Василии сказано: «как мать всему благу есть нестяжание, так и корень и мать всему злему сребролюбие». Лествичник говорил: «...кто не любит богатства, Господа возлюбит и заповеди его сохранит» [16, 571].

Итак, богатство не цель, а орудие, с помощью которого можно угодить Богу. В сочинении «Наказание богатым» Изборника 1076 года человеку, удостоившемуся богатства от Бога, предписывалось отдать его неимущим, прощать чужие долги, осуществлять благотворительную деятельность тем самым, осуществляя один из основных принципов картины мира Древней Руси – принцип справедливости. М.В. Фирсов отмечает: «Принцип взаимной любви, доброты и милостыни выступает здесь универсальным и абсолютным условием упорядочения абсолютно всех сфер и уровней социальных отношений, единственным средством гармонизации последних, основной базой, на которой должно быть основано все происходящее в общественной и личной жизни» [29, 39]. В данном контексте очевидна параллель с ветхозаветным принципом правды-справедливости.

Авторитетные представители церкви не только декларировали принципы христианского отношения к богатству, но и примером своей жизни их доказывали. О святителе Новгородском Ионе (ум. 1470) сказано: «Он получаемое богатство не для себя копил, но отдавал в общественное имущество всех живущих с ним, принося этим помощь обители» [23, 83]. Максим Грек о таких людях писал следующее: «Они не пекутся о том, как приобрести в изобилии имения, и богатства, и стада разного скота или большие земные сокровища, золото и серебро. Одно у них в изобилии богатство и сокровище неистощимое – прилежнейшее хранение и исполнение всех евангельских заповедей, посредством которых скоро и удобно достигается ими самая главная добродетель – любовь к Богу и ближнему своему... Непрестанно посвящают себя служению людям» [18, 477].

Стихи покаянные второй половины XVI века также свидетельствуют о соотношении богатства и милосердия, любви к ближнему в системе нравственности: О жите моём, жите клирошанина, / Призадумался я, недостойный... / О безумная скупость! / О нелюбовь к ближнему! / Красуясь и кичась Богатством больше мирских людей, / Странников и бедных людей не милуя, / Но и обижая... [20, 150].

В этом отношении интересны и теоретические размышления Ермолая-Еразма Полоцкого и Иосифа Волоцкого. Иосиф Волоцкий защищал идею сильной и богатой церкви, связывал ее не с самодостаточностью церкви как таковой, а с ее «социальными задачами». Иосиф Волоцкий стремился к богатству (не личному, а Иосифо-Волоколамского монастыря), не во имя стяжания, а во имя расширения возможностей для творения благотворительных и Богу угодных дел. Для окрестного населения монастырь всегда являлся источником хозяйственной помощи [9, 338].

Ермолай-Еразм утверждал противоестественность почитания «богатства», золота, серебра, поскольку это противоречит сущности человека, сотворенного по образу и подобию Божию. Он критиковал вельмож, «насилующими коварствы обогате», деяниями своими угрожающими дьяволу, а потому «душу же имуще от насильства темну» [29, 73]. Критикуя богатых, социальное неравенство, он обращается к достаточно распространенной идее возмездия или «праведного суда», в результате которого Бог «отыимет власть его». В этом видятся «милости» Бога. Но Ермолай-Еразм в своих размышлениях идет дальше, к всеобщему равенству на основе истинного покаяния богатого и принятия последним нищеты «как честнейшее богатство». Тем не менее, имеются и другие пути спасения и христианского равенства между людьми. Безусловным фактором он считает милостыню как средство достижения гражданского равенства. Но оно возможно тогда, когда подающий «низца» и «странна» не только смиренно, но «возлюбише» и «не оскорбише» ее подает, ибо в последнем случае он в смирении своем достигает прощения. Автор обращает внимание на то, что милостыню нельзя творить «у инаго убога же во вражду взял еси». В этом отношении нарушается принцип равенства и любви к ближнему. Развивая эту идею дальше, Ермолай-Еразм обосновывает ее в канонах христианского социального гуманизма, где помощь оказывать необходимо не только бедным и нищим, но и к представителям других религий, к врагам. Видя в социальном равенстве высшее предназначение, когда помогая другому, Бог помогает тебе, «имать бо истинную надежду Бога, иже не оставит его гладана и нага», он тем не менее критикует современную ему церковь, которая «соблюдает злато и серебро и мшел надежи ради снедей и риз» [29, 74].

Достаточно сильным побуждением к благотворению в Древней Руси был социально-политический. Побуждением к помощи нуждающимся здесь являются не личные религиозные убеждения, а осознание необходимости этих мер для поддержания стабильности государства и укрепления своей власти. Тема ответственности и обязанности заботиться о подданных была поднята ещё в Ветхом Завете, например, в обращении царя Давида к Соломону. В Древней Руси впервые тема «милостивой» деятельности и ответственности правителя за свои поступки появляется у Нестора в «Повести временных лет». По словам Нестора, вся ответственность за бедствия на Руси лежит на ее правителях. Но когда они следуют заветам церкви, происходит расцвет Русской земли. Эти положения раскрываются в трудах Иллариона, где в качестве аргументов он приводит факты из жизни князя Владимира. Илларион (сер. XI в.) – митрополит Киевский, оратор, писатель, церковный деятель в «Слове о Законе и Благодати» раскрывает учение о богоустановленности власти, в контексте которого отмечает, что мирское правление должно строиться на принципах милосердия. Рассматривая княжение Владимира Святого как «образцовое», митрополит Илларион выделяет несколько причин: «закон был предтече и служителем благодати и истины», отказ от идолопоклонства, принятие «спасительного учения». Эти главные стороны его общественного реформирования, а также «щедроты и милостыни», творимые князем и особо хранимые в памяти народной, привели к социальной стабильности. В своей совокупности социальная деятельность князя Владимира построена на основе христианских представлений о милосердии, а потому и считалась идеалом и образцом для подражания следующим правителям. Следуя христианской теории о богоустановленности власти, древнерусские мыслители обращают внимание князей на необходимость соответствовать своему статусу – быть подобными милосердному Богу. Так, Ф. Печерский в посланиях к князю Изяславу призывает его быть милостивым по отношению ко всем людям независимо от их веры и национальной принадлежности. Забота о народе, о социально уязвимых слоях общества – тема, поднимаемая Владимиром Мономахом, Даниилом Заточником.

Для призрения князьям рекомендуется выделять десятину из своих доходов. Будучи помазанниками Божьими, представители власти должны вершить суд не только

по справедливости, но и милосердно, ибо «елей они принимали как символ человеколюбия Божия». Милосердие в этом случае является непременным атрибутом власти, ее свойством.

Государство, предоставившее церкви с X века монополию на благотворение, к XVI веку, как институт, наиболее заинтересованный в создании действенной системы помощи нуждающимся и ограничении нищенства, в условиях становления и укрепления самодержавной власти со времён Стоглавого Собора 1551 года предпринимает попытки инициации и проведения в жизнь мер по созданию системы организованного призрения. Иван IV, Борис Годунов, Алексей Михайлович, Фёдор Алексеевич в период от созыва Стоглавого Собора по поводу желательности организованного призрения до принятия в 1682 году первого указа по борьбе с нищенством на фоне его дальнейшего роста, особенно в условиях смуты, смены династий, не переломили, тем не менее, в русском обществе традиций в отношении к смыслу и способам оказания благодеяния. Более того, именно государи и их семьи первыми эти традиции соблюдали, устраивая регулярные раздачи щедрой царской милостыни.

В связи с этим, Иван Пересветов в «Большой челобитной» (XVI век) говорит о заботе о социально уязвимых слоях населения не только как о христианском догмате, но и как об общем условии «социальной политики». Так, милосердие необходимо государю, ибо оно способствует сохранению его доброй славы. Поддерживать нищих в тяжелый для них час необходимо поскольку «и они будут в тяжелый час твоей опорой. Так ты сохранишь свой закон и укрепíš свое царство». Рассказывая о государственном управлении молдавского царя Константина, Пересветов обращает внимание на то, что обнищание воинства, переход его и другую социальную группу приводят к государственным конфликтам, «так что впустил в свое царство междоусобную войну своих вельмож и во всем прогневал Бога» [29, 75]. Иван Пересветов, негативно относящийся к правлению Бориса Годунова, анализирует действия императора Тита применительно к российским условиям. «Вдовствующее» состояние московского государства он видит прежде всего в том, что «выгнав из города» «скитающихся по миру нищих», в злобе, своей правитель восстал «на самого Бога». Отсюда все беды и социальные потрясения, которые обрушиваются на Московское государство. Причем в своей притче он говорит об ответственности власти за свои поступки, нарушающие извечные христианские законы справедливости, призывает к ответственности и преемственности в политических реформах власть держащих, чтобы они не оставляли народ один на один со своими проблемами, подобно оставшейся после мужа вдовы, «которая находится во власти своих же собственных рабов» [29, 77].

Новое рациональное начало в делах милосердия, благотворения как основы внешнего порядка находит отражение в Посланиях Федора Карпова. Государственное управление должно включать в себя и определенные «милости». Именно на сочетании «правды» и «милости» достигается социальная, стабильность, - защита нуждающихся, «слабых», контроль «бесчинных». Именно таким должно быть государственное управление, а следовательно, мир и порядок в обществе. «И это все делается правдой, и милостью, и истиной. Из-за милости ведь правитель и князь поданным весьма любим, а из-за истины его боятся. Ибо милость без правды есть малодушество, а правда без милости есть мучительство, и оба они разрушают царство и всякое общежитие. Но милость, правдой поддерживаемая, а правда милостью укрощаемая, сохраняют царю царство на многие дни». Имеется в виду распространенная концепция божественного «справедливого возмездия», которое наступает, когда правитель нарушает христианские законы справедливости. Иван Пересветов, негативно относящийся к правлению Бориса Годунова, анализирует действия императора Тита применительно к российским условиям. «Вдовствующее» состояние московского государства он видит

прежде всего в том, что «выгнав из города» «скитающихся по миру нищих», в злобе, своей правитель восстал «на самого Бога». Отсюда все беды и социальные потрясения, которые обрушиваются на Московское государство. Причем в своей притче он говорит об ответственности власти за свои поступки, нарушающие извечные христианские законы справедливости, призывает к ответственности и преемственности в политических реформах власть держащих, чтобы они не оставляли народ один на один со своими проблемами, подобно оставшейся после мужа вдовы, «которая находится во власти своих же собственных рабов» [29, 78].

Итак, в XVI веке «милосердие» возводится в ранг государственных добродетелей, которые, в свою очередь, являются необходимым условием для сохранения «закона и укрепления царства».

Заключение

Таким образом, мотивация древнерусской благотворительности основывалась, во-первых, на двух системах ценностей – древнеславянской и христианской. Во-вторых, проблема мотивации благотворения в Древней Руси была тесно связана со спецификой русского отношения к феномену нищенства и к богатству.

Можно выделить следующие мотивы благотворения в Древней Руси:

- прагматический, основанный на реципрокных и редистрибутивных связях, находивший свою реализацию в общинной взаимопомощи у славян. Ценности – справедливость, коллективизм;
- мотив духовно-нравственного совершенствования;
- христианские мотивы:
  - 1) сотериологически-эсхатологический мотив, особенно следует выделить искупление;
  - 2) любовь к Богу и ближнему, обуславливающая милосердие, сострадание;
  - 3) мотив сакрального пиетета, то есть мотив специфического отношения к нищенству, людям, страдавшим тяжелыми недугами как к богоизбранным людям, молитвенным ходатаям;
- социально-политический мотив – это побуждение, основанное на стремлении сохранить или распространить свое влияние в обществе.

Список литературы

1. Горский, В.С. Философские идеи в культуре Киевской Руси XI- начала XII в. - Киев: Наукова думка, 1988. – 212 с.
2. Громов, М.Н. Максим Грек. - М.: «Мысль». 1983. 199 с.
3. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа. - М.: Древнее и современное. ГУП Чехов. полигр. комб., 2002. – 548 с.
4. Дубко, Е.Л. Всегда ли добрые дела надо делать в тайне? // Вестник Московского университета. 2003. № 4 С. 73-81.
5. Дюркгейм, Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение. - М.: Канон, 1995. – 349 с.
6. Изборник: (Сборник произведений литературы Древней Руси). – М.: Худож. лит., 1969. – 800 с.
7. Ключевский, В.О. Добрые люди древней Руси. - М., 1915. – 30 с.
8. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Кн. 2. - М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. 1995. – 702 с.
9. Миронов, Г.Е. История государства Российского: Историко-библиографические очерки. XIX век. - М.: Издательство «Книжная палата», 1995. – 383 с.
10. Нещеретный, П.А. Исторические корни и традиции развития благотворительности в России. - М.: Издательство «Союз». 1993. – 31 с.

11. Осипова, О.С. Жизнь в системе традиционных ценностей древних славян и русского народа // Жизнь как ценность. Сборник статей.- М., 2000. // Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item>
12. Осипова, О.С. Славянское языческое миропонимание. Философское исследование // Волшебная гора. 1997. № 6. С. 200-211.
13. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Выпуск первый. / Под ред. проф. А.И. Пономарёва. - СПб.: Издание журнала «Странник», 1894. – 200 с.
14. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Выпуск третий. / Под ред. проф. А.И. Пономарёва. - СПб.: Издание журнала «Странник», 1897. – 228 с.
15. Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы: XI – начало XII века. (Выпуск 1). / Сост. Д.С. Лихачёв, Л.А. Дмитриев. – М.: Худож. лит., 1978. – 413 с.
16. Памятники литературы Древней Руси. XII век. (Выпуск 2). / Сост. Д.С. Лихачёв, Л.А. Дмитриев. – М.: Худож.лит., 1978. – 704 с.
17. Памятники литературы Древней Руси. XIII век. (Выпуск 3). / Сост. Д.С. Лихачёв, Л.А. Дмитриев. – М.: Худож. лит., 1981. – 616 с.
18. Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. (Выпуск 6). / Сост. Д.С. Лихачёв, Л.А. Дмитриев. – М.: Худож. лит., 1984. – 768 с.
19. Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. (Выпуск 7). / Сост. Д.С. Лихачёв, Л.А. Дмитриев. – М.: Худож. лит., 1985. – 638 с.
20. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. (Выпуск 8). / Сост. Д.С. Лихачёв, Л.А. Дмитриев. – М.: Худож. лит., 1986. – 640 с.
21. Православная вера и традиции благочестия у русских в 18-20 веках. Этнографические исследования и материалы. - М.: Наука, 2002. – 469 с.
22. Покотилова, Т.Е. Благотворительность в социальной истории дореволюционной России: мировоззрение и исторический опыт: Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук (07.00.02) / Т.Е. Покотилова. - Ставрополь, 1998. - 39 с.
23. Скурат, К.Е. Православные основы культуры в памятниках литературы Древней Руси. – М.: Изд. дом «Покров», 2003. – 128 с.
24. Соловьёв, С.М. Сочинения. Кн. 1. История России с древнейших времён. – М.: Мысль, - Т. 1. 751 с.
25. Социология. Её предмет, метод, предназначение. М., 1995.
26. Темникова, Л.А. Благотворительность в контексте духовного развития общества: Автореферат диссертации на соискание степени кандидата социологических наук (22.00.06) / Л.А. Темникова.- Белгород, 1996. 30 с.
27. Тульцева, Л. А. Тайная милостыня // Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII – XX веках. Этнографические исследования и материалы. – М.: Наука, 2002. – С. 90 – 100.
28. Фирсов, М.В. Социальная работа в России: теория, история, общественная практика: Автореферат диссертации на соискание степени доктора исторических наук (07.00.02.) / М.В. Фирсов. – М., 1997. – 59 с.
29. Фирсов, М.В. История социальной работы в России. - М.: Владос, 1999. – 246 с.
30. Флоренский, П.А. Христианство и культура. - М.: ООО «Издательство АСТ», 2001, - 672 с.

VALUE AND MOTIVE BASIS OF CHARITY IN ANCIENT RUSSIA

E.P.Belonozhko¹⁾, A.M. Kapustina²⁾,

¹⁾ Belgorod State University, Preobrazenskaja St., 78, Belgorod, 308000, Russia,
e-mail: belonozhko@bsu.edu.ru

²⁾ Belgorod State University, Preobrazenskaja St., 78, Belgorod, 308000, Russia.

The article deals with the attempt to reveal and analyze value and motive basis of charity IN Ancient Russia. The problem of motivation in general, and also of motivation in Ancient Russia, is rather actual and not much explored. The survey is the philosophical analysis of ancient Russian literature documents and historical researches. The motivation of charity in Ancient Russia is tightly linked to the specifics of Russian relation to the richness and poverty. The main motives of charity in Ancient Russia are pragmatic, spiritual and moral, Christian, soteriological, eschatological, love towards God and people, sacral piethesis, social and political.

Key words: motive, charity, values and motives, soteriological motive, eschatological motive.